

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВОСЕМИОЗИСА

Николай Алефиренко (Белгород)

0. Введение

Поскольку в фокусе внимания лингвокогнитологии находится феномен знания, в исследованиях последних лет все чаще поднимается проблема информации (ее обработка и различные виды речемыслительных операций с ней) в ее связях и отношениях с собственно лингвистическими категориями (Langacker 1991: 37; Ченки 1997: 340). Будучи объективно сложной, эта проблема усугубляется еще и тем, что, наряду с этимологическим значением термина информация - 'разъяснение, осведомление, изложение', в современных работах по когнитивной семантике он употребляется несколько произвольно: и как значение, и как знание. Причиной тому является смысловое родство соответствующих понятий: как правило, информация служит основой возникновения значения и знания. Однако если под информацией понимать только сведения, необходимые для деятельности индивида в определенной речемыслительной ситуации, то «значение» и «информацию» следует признать разными понятиями. Поэтому, полагаю, некорректно определять их одно через другое. Подтверждением справедливости такого подхода могут служить условно-рефлекторные механизмы лингвосомиозиса. Любой раздражитель (звонок, свет, запах пищи и т.д.) несет определенную информацию, но значения не имеет. Значение он приобретает, только став сигналом. Чтобы информация стала значением, ей необходимо приобрести мотивационный статус. Как он приобретается, можно показать на примере всем известных сказок о принцессе. Чаще всего их сюжет разворачивается вокруг исчезнувшей девушки. Возникающая при этом знаковая ситуация имеет несложную структуру: обозначаемый объект - принцесса, отличительные признаки места ее нахождения - знак, деятельность, направленная на ее поиск, - значение.

В развитие такого понимания знаковой ситуации сформулируем исходные позиции нашего исследования: 1. В результате замещения причины деятельности символом знак обретает значение. 2. По отношению к другим (первичным) явлениям человеческой деятельности, значение является вторичным. 3. В соответствии с этим (п. 1 и п. 2) выделим два уровня

когнитивно-семиотической деятельности. На первом ее этапе определяются объективные свойства знака. Обычно его называют познавательно-информационным уровнем, где полученные сведения подчиняются общим законам современной теории информации. Вторым уровнем является собственно речемыслительным, поскольку осуществляется при дискурсивном взаимодействии субъекта и объекта. Если на первом уровне извлекается необходимая информация, то на втором, глубинном, уровне формируется значение, которое выражается неким материальным средством, преобразуя его в означающее знака (сигнал). Такого рода вектор осмысления когнитивных оснований лингвосомиозиса предполагает обсуждение соотношения следующих категорий: (а) информация - знание - значение, (б) познание - знакообразование, (в) внутренняя форма знака - значение, (г) знаки языка - знаки речи, (д) знаки речи - дискурсивные значения.

1. Информация - знание - значение

В когнитивной лингвистике **и н ф о р м а ц и я** - это сведения о фактах, событиях, процессах; данные, приходящие к человеку по разным каналам и обрабатываемые в текущем этноязыковом сознании. К человеку информация поступает двумя путями: (1) *извне* - по чувственно-перцептивным и сенсорно-моторным каналам и (2) *изнутри* - по каналам ментальной репрезентации, где они уже переработаны и интериоризированы нашим языковым сознанием. Поступившие сведения о фактах и событиях в сознании человека подвергаются так называемой информационной обработке - процессам восприятия, передачи, преобразования и использования информации. Такого рода процессы могут осуществляться только при наличии двух объектов: источника информации и ее потребителя. Сведения от источника к приемнику передается в материально-энергетической форме. При речевой коммуникации такой формой выступают *звуковая* и *графическая* структуры.

З н а н и е - продукт общественной, предметно-практической и речемыслительной деятельности людей; содержание и способ существования сознания. Чтобы быть переданным другому человеку знание непременно должно концептуализироваться в языковые формы, иными словами знание должно оформиться в виде вербализованного концепта. Ср.: *ватрушка* - 'пирожок с творожной начинкой', *огородить* - 'обнести оградой', *про-*

роческий - 'содержащий предсказание'. И в этом виде (в виде концептуальной информации) оно (знание), собственно, и представляет интерес для когнитивной лингвистики, непосредственно занимающейся процессами языковой обработки информации и формирования значений языковых знаков. Знание как способ существования сознания объективируется и хранится при помощи языковых знаков. При этом следует заметить, что языковые знаки здесь выступают не простыми фиксаторами знания. Образую знаковую систему особого рода, они принимают участие в познании не изолированно, а в упорядоченном речемыслеобразном пространстве. А это значит, что новое знание, объективируемое той или иной знаковой конфигурацией, вводится в определенную когнитивную систему, тем самым, подвергаясь адаптации, обработке, преобразованиям и интерпретации с позиции системного знания. И в этом своем статусе становится *языковым знанием*. Формой же выражения языкового знания служат языковые **значения**, онтология которых также неоднозначна, как и само сознание. В самом общем виде, путем выявления их специфики по характеру информационно-связи между двумя сущностями можно выделить *два типа значений* - значения *языковые* и значения *дискурсивные*. В их основе лежат импликационный и знаковый механизмы смыслообразования (ср.: Никитин 1996: 26).

В любых знаковых системах (не только естественно-языковой) обнаруживается следующая закономерность. Если две сущности (вещи, события, явления) объединены в сознании субъекта скрытой зависимостью, установившейся в реальном мире на основании их *п р и р о д н о й* (естественной) связи, то имеет место значение импликационного типа. Его содержанием являются мыслительные импликации из познаваемого предмета как его информационная функция. Знаковый тип значения формируется иным характером связи между предметами мысли: между ними природной зависимости нет. Их объединяет *у с л о в н а я* намеренная связь с целью возбуждать в нашем сознании нужное знание в отсутствии даже намека на какие-либо импликации. Если сказать проще, в этом случае между предметами мысли природной, то есть безусловнорефлекторной, связи нет. С точки зрения биопсихического подхода, знаковое значение имеет условнорефлекторную природу. Это значит, что в сознании субъекта между предметами устанавливается условная (преднамеренная) связь, за знаком закрепляется определенная кодифицированная мысль, которая, собственно, и составляет сущность знакового значения (см.: Никитин 1996: 27).

Единицы естественных языков знаковую функцию приобретают двумя способами - на этапе *первичного* знакообразования *спонтанно* (в процессе реализации простейших коммуникативных намерений), затем, в уже сложившемся языке на этапе *вторичного* знакообразования — *и спонтанно, и намеренно*. Значения вторичных знаков, конечно же, опосредуются естественным (первичным) языком (см.: Eismann 1998: 1-30). Примером тому может служить слово *кукловоды* в следующем контексте: *Неправительственные организации ... нужны «для контроля за деятельностью власти» (при условии, что «эти организации не руководились кукловодами из-за границы»)* (Коме, правда, № 15, 2-9 февр., 2006 г.). Основным предметом когнитивно-семиологической теории являются, конечно, значения знаковой природы, особенно значения вторичных знаков. Значения импликационного типа¹ также представляют для нее интерес, но только в том случае, если они оказываются эвристическим продуктом дискурсивной деятельности.

2. Знаки речи и дискурсивные значения

Дискурс² располагает двумя видами информации. К *первому* виду можно отнести ту информацию, которую дискурс получает от языка. Это кодифицированная знаковая информация, носителями которой являются *з н а к и з ы к а*. *Второй* вид информации продуцируется самим дискурсом. Это разного рода дополнительная информация, поступающая по всем каналам речемыслительной (дискурсивной) деятельности. Она ситуативна и контекстуальна, поскольку порождается в процессе непосредственного осуществления речевого акта. Ее носители - *з н а к и р е ч и*. Ср., например, у В. Набокова: *«Это было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солнца, свободы. Он теперь попрос. Россия заселена подсолнухами. Это самый большой, самый мордастый и самый глупый*

Если под импликацией понимать мыслительный акт, в котором один объект познания предполагает другой, второй вытекает из первого.

Под дискурсом понимаем не просто речь, а сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат: излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

цветок». Информацию, заключенную в выделенные речевые знаки, мы называем *дискурсивной*. Общающиеся получают ее не только от знаков языка, служащих идеальным субстратом общения. Основным ее источником служат достаточно многозначные импликационные связи, выявляемые между элементами знаковой ситуации. Здесь все наполнено скрытым смыслом: подсолнух, с одной стороны, - *цветок счастья, свободы*, а с другой стороны - *мордастый и глупый*. И им не засеяна, а *заселена* страна. Снова имплицитные смыслы столь характерные для В. Набокова! Подобного рода информация исходит из понимания знаковой ситуации и от осмысления читателем познаваемого в данной ситуации внешнего и внутреннего мира. При этом знаки речи выступают как важное речемыслительное средство, погруженное в импликационные (естественные) связи познаваемого и объективируемого фрагмента мира. Дискурсивные значения (смыслы), основанные на импликационных связях, не только выступают смыслообразующими средствами вербальной коммуникации, но и образуют смысловой ореол значения соответствующих языковых знаков.

Таким образом, дискурсивные значения, или смыслы, заключают в себе (а) и информацию, исходящую от знаков языка, (б) и информацию о познаваемом фрагменте действительности (в ее причинно-следственных, временных и пространственных связях). В принципе языковые и дискурсивные значения (в другом терминопотреблении - значения и смыслы) характеризуются не только различительными, но и универсальными свойствами, по аналогии с тем, как соотносятся между собой язык и речь. Они связаны функционально и онтологически. В первом случае языковые значения служат идеальным субстратом для дискурсивных смыслов, а последние - для обобщающей эволюционной динамики первых.

Выделенные типы значений состоят из когнитивного и прагматического компонентов. Ср. когнитивный компонент в значении слова *напиться* и прагматический в выделенных ниже словах и фразеологизмах: «*Поздравляю, **налимонился**, - сказала хозяйка дома, глядя на Лужина. <...> Поздравляю. **До положения риз**». И странное дело: то, что Лужин *напился до положения риз*, понравилось ей, возбудило в ней по отношению к Лужину теплое чувство (В.Набоков). Разница лишь в их конструктивном статусе. На «авансцене» языковых значений находится когнитивный компонент, а прагматический компонент образует их глубинный, имплицитный фон. В дискурсивных же значениях актуализуются оба компонента, а их функциональный регистр знаков речи определяется кон-*

кретной знаковой ситуацией, возникающей в соответствии с тем или иным коммуникативно-прагматическим намерением.

В свете сказанного, *з н а ч е н и е* - это не просто информация, а информация об *осознанной* связи между двумя мыслительными объектами, где один объект (им может быть вещь, предмет, явление или событие) актуализирует мысль о другом объекте и информационно на него настраивает наше сознание.

С точки зрения когнитивной семантики, значением служит мысль о другом объекте, выполняющая информационную функцию по отношению к первому объекту. И в этом плане значение языкового знака является (а) фактом сознания, (б) производящей базой знака (в когнитивной науке знак принято считать производным от значения) и в этом плане (в) первичным по отношению к знаку образованием. Из этого вытекает чрезвычайно важные для когнитивно-семиологической теории слова положения. 1. Содержание языкового знака, или его семантика, конституируется двумя составляющими: стабильной и вариативной. 2. Стабильная, постоянная часть содержания языкового знака является его *значением*, а вариативная, переменная, динамическая - его *смысловым содержанием*. 3. Проблема значения и смысла имеет прямое отношение к семиозису. Наиболее таинственной при этом справедливо считают саму «технологию» появления знака.

3. Познание и знакообразование

Доминантой разрабатываемой нами когнитивно-семиологической теории языкового знака служит известный в когнитивистике постулат: процесс возникновения знака начинается со *взаимодействия* познающего субъекта с предметом познания, поскольку значение предмета познания определяется его *местом* и *значимостью в человеческой деятельности*. При этом формирование языкового значения обусловливается *отражением в нашем сознании внешнего события*, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений между объектом и субъектом познания. В лингвосемиозисе результат такого взаимодействия и опыт практической деятельности человека закрепляются за соответствующим звукосочетанием, которое в формирующемся знаке получает статус означающего. С этого момента звукоряд

становится не только обычным средством обозначения предмета, но и средством активизации познавательной деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков (одновременно познаваемого и называемого) предмета.

Процесс декодирования уже имеющегося в нашем сознании знака осуществляется по несколько иному алгоритму. В этом случае когнитивно-дискурсивная деятельность человека начинается с восприятия знака, затем развивается в противоположном направлении тому, в котором осуществлялся процесс семиозиса. Алгоритм когнитивно-дискурсивной деятельности при восприятии знака можно сказать выстраивается по известной уже схеме знакообразования. Однако это наиболее общий способ семиозиса главным образом довербальных знаков. По этим же семиотическим законам происходит порождение и языковых знаков. И все же процесс лингвосомиозиса имеет свою специфику, которая обуславливается предназначением языкового знака. В отличие от довербальных знаков, *языковой знак не только средство обозначения, но и средством обеспечения речемыслительного процесса*. Можно, разумеется, говорить о языковом знаке вообще. Однако важно помнить о специфике языковых знаков разных типов. Конечно же, эталонным для всех типов языковых знаков является словесный знак. Его образование осуществляется по схеме довербального семиозиса: *формирование означаемого предшествует возникновению означающего* - звуковой или графической материи словесного знака. С точки зрения логики, закономерность формирования означаемого такова. *Начальной точкой объективации означаемого служит выделение конкретного объекта из класса ему однородных. Искомый объект получает свое словесное обозначение после того, как превратиться в «найденный», «определенный», «понятный»*. Это универсальная схема порождения словесного знака. Понимание и декодирования словесного знака, в общем, повторяет алгоритм его возникновения. Если следовать ему, то такая методика откроет возможность проникать в сущность взаимодействия означающего и означаемого (концепта) языкового знака. На определенном этапе в процессе познавательной деятельности смысловое содержание концепта выступает связующим средством между акустическим образом слова и чувственным образом обозначаемого предмета. В результате такого синергетического взаимодействия и осуществляется преобразование *образа предмета в понятие* о предмете. Согласно теории А.А. Потебни, такие

когнитивные переходы осуществляются только при помощи слова, реализующего эвристическую функцию языка. Данное положение стало уже крылатой фразой: «Язык есть средство не выражать готовую мысль, а создавать ее... он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» (Потебня 1999: 41). Для реализации этих функций служат вербальные знаки (языковые и речевые). Каждый речемыслительный шаг, связанный с их возникновением, направлен на обеспечение онтологической предназначенности языка. Рассмотрение условий и основных этапов знакообразования невозможно без предварительного определения сущности самого языкового знака и его основных свойств. Хотя им и уделялось достаточно много внимания, все же когнитивно-семиотическая теория языка не лишена белых пятен и поэтому остается дискуссионной. Прежде всего, в практическом применении оказывается малопродуктивным ставшее популярным определение знака Л. Ельмслевым: «Знак характеризуется <...> тем, что он является знаком чего-то» (Ельмслев 1960: 302). В основе данного определения лежит указательная функция знака и только. При этом даже не упоминается о его структуре и об отношении к человеку и сознанию. Рассмотрение механизмов семиозиса на фоне данного определения заранее обречено. Однако это можно списать на счет структуральной концепции языка, под гипнозом которой находился датский ученый. Поэтому обратимся к наиболее авторитетному в российской лингвистике изданию - «Лингвистическому энциклопедическому словарю» (1990). Читаем: «Знак языковой - материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» (с. 167). Здесь имеется указание на структурное своеобразие языкового знака: его материально-идеальную билатеральность и репрезентативность (свойство представлять разные внеязыковые объекты). Далее автор (А.А. Уфимцева) отмечает взаимосвязь двух сторон знака: «Две стороны языкового знака, будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, то есть его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение» (с. 167). Из данного рассуждения выделяем еще несколько свойств языкового знака: материальность формы, социальность, опосредованность сознанием, способность выражать значение. В монографии А.А. Уфимцева объясняет свою приверженность билатеральной теории знака тем, что понимание знака односторонней физической сущностью приводит к отождествле-

нию его со знаками механических семиотических систем (коды, дорожные знаки и т.п.), лишая тем самым естественный язык функции общения, репрезентации и идентификации предметов объективного мира. Разделяя эту точку зрения, все же нельзя не остановиться на достаточно спорном утверждении: «Материальность словесного знака - свойство, почти никогда не подвергается дискуссии, вполне очевидное» (Уфимцева 1986: 52). Однако, данное утверждение не так уж и бесспорно, хотя и принимается большинством авторов. Если знак языковой, а язык - идеальное образование, то вполне закономерно возникает сомнение: как материальный объект локализуется в нашем сознании. А. А. Уфимцева делает по этому поводу следующий пассаж: «Форма знака (означающее) существует в двух его ипостасях, как все материальное: материальной и идеальной, так как звуковой состав слова обретает форму идеального образа материальной стороны знака» (Там же: 52). Согласно такой интерпретации, означающее языкового знака функционирует то как материальный (чувственно воспринимаемый), то как идеальный, недоступный наблюдению феномен. Для теории словесного знака это очень важное наблюдение, хотя и нуждается в когнитивно-семиологическом обосновании. Выход из явно тупикового положения видится в разграничении знаков языка и знаков речи, поскольку именно оно показывает, как сопряжены в них свойства материальности и идеальности.

5. Знаки языка и знаки речи

Действительно, если теориями разграничения единиц языка и единиц речи доказано, что вторые реализуют (объективируют) первые, то было бы вполне логично рассмотреть и наше предположение о диалектическом сосуществовании знаков языка и знаков речи. Знаки языка идеальные сущности, знаки речи сущности материальные (физические). Последние материальны в том смысле, что их планом выражения служит звуковая, то есть физическая, субстанция. Однако при этом не следует забывать, что они имеют не только план выражения, но и план содержания, поскольку являются носителями определенного смысла, соотносимого со значением языкового знака (см.: Алефиренко 2005а: 69). Это предполагает диалектическое (противоречивое) взаимодействие знаков языка и знаков речи.

Диалектика здесь такова: (1) эталонный знак языка конституирует план выражения речевых знаков, а (2) некоторое множество материальных знаков речи служит материалом для формирования и н в а р и а н т а — образцового эталонного знака (языка). Без знаков языка невозможны знаки речи, и наоборот. Такой подход создает новый стимул для развития лингвосемиотики, в частности открывает возможности для создания в ее рамках когнитивно-семиологической теории лингвосемиозиса, рассматривающей когнитивные, семиотические и прагматические свойства знака как своего рода синергетическую амальгаму. Без последовательного различения знаков языка и знаков речи невозможно объяснить, как язык в процессе познания выполняет когнитивную функцию - объективирует в сознании человека то, что ему уже каким-то образом известно. Не случайно психологи и философы связи с этим неустанно утверждают, что знак - прежде всего понятие гносеологическое. Лингвисты же акцентируют внимание на коммуникативном предназначении языковых знаков, поскольку они служат средством передачи сообщений. Противоречие снимается разграничением знаков языка и знаков речи. На самом деле, когнитивную функцию выполняют знаки языка, а коммуникативную и прагматическую - знаки речи. Причем функциональное предназначение одного служит условием выполнения «функциональных обязанностей» другого. Действительно, прежде чем, сообщение передать (используя определенную комбинаторику *речевых* знаков), необходимо закодировать соответствующую информацию в общественном сознании, то есть при помощи знаков *языка* ее обработать, преобразовать и превратить в знание. При этом репрезентация языковых знаков знаками речевыми - процесс далеко не механический. Дискурсивные задачи, стоящие перед общающимися, требуют дополнительной обработки информации как со стороны ее отправителя, так со стороны получателя. Речевые знаки располагают для этого необходимым **интерпретационным механизмом** (ср. набоковские знакоупотребления). Всякая дискурсивная интерпретация языкового знака опирается на опыт, а «знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт» (Кравченко 2001: 85). Вспомним, понятие знаковой и н т е р п р е т а н т ы в семиотику ввел Ч.С. Пирс, под которым он понимал то, что объясняет знак или переводит его в иное измерение. Ч. Моррис попытался выделить прагматическую составляющую интерпретанты - способность знака производить определенный эффект, воздействовать на интерпретатора. В. Дресслер прагматику языкового знака связывает с его интерпретантой,

тем в его содержании, что указывает на способ представления значения в знаке. Якобсон же, по сути, приравнивает данное понятие к значению и выделяет две разновидности интерпретант: одна связывает знак с системой знаков, другая - с контекстом его использования. Е.С. Кубрякова, опираясь на якобсоновскую концепцию знака, предлагает интерпретанту и языковое значение разграничивать. Она полагает, что можно выделить целую серию интерпретант, с помощью которых можно было бы показать, каким способом в нашем сознании представлены разные аспекты языкового значения - когнитивный, концептуальный, прагматический, эмотивный и экспрессивный. Если следовать этой логике, то значение языкового знака окажется формой существования сознания, а интерпретанта - способом взаимодействия означаемого и означающего языкового знака. При этом важно не выпускать из виду, по крайней мере, два момента: (а) что такое взаимодействие определяется диалектикой взаимоотношения объекта познания и субъекта речемыслительной деятельности и (б) что данное взаимодействие опосредовано. Роль такого посредника выполняет открытая в XIX веке внутренняя форма языка (В. фон Гумбольдт) и слова (А.А. Потебня).

4. Внутренняя форма и значение словесного знака

В наиболее простом виде внутреннюю форму слова формирует признак, положенный в основу наименования и отражающий *первоначальное* понимание (восприятие, видение) обозначаемого предмета. Роль такого посредника выполняет открытая в XIX веке внутренняя форма языка (В. фон Гумбольдт) и слова (А.А. Потебня). Внутренняя форма показывает, как и каким способом в нашем сознании представлено значение слова (см.: Алефиренко 2004: 70). И в этом плане внутренняя форма слова связана с наиболее близким этимологическим его значением и является «отношением содержания мысли к сознанию», т. е. представлением, сущность которого состоит в том, что оно объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание. Ср.: рус. *ухажер, волокита, донжуан, юбочник*. Обычно говорят, что внутренняя форма выступает способом интерпретации значения (однако не всегда указывают при помощи каких средств). Таким средством, на наш взгляд, выступает мотивационный признак производного слова, который актуализируется или его морфемной структурой,

или ассоциативно-смысловыми связями производного значения с исходным. Ср.: *поварешка* < варить, *черпак* < черпать. Устранение диалектического противоречия между чувственным образом и абстрактным значением служит интерпретантой и источником знакообразующей энергии речемыслительной деятельности.

Интерпретанта, составляя сущность внутренней формы знака, выступает способом знаковой репрезентации значения в речемыслительной деятельности как уже готовой единицы. Внутренняя форма, представляя нашему сознанию связь между языковым знаком и объектом знакообозначения, служит смыслогенерирующим источником в процессах формирования значения (см. подробнее: Алефиренко 2004: 79). Связь между знаком и обозначаемым объектом нередко определяет этноязыковую специфику сознания. Благодаря этому одна и та же внутренняя форма может служить даже в родственных языках маркером для разных знакообозначений. Ср. внутреннюю форму «соль» в рус. *рассол* - 'соленая вода для засолки овощей, рыбы и т.п.', чеш. *rosol* - 'желе' и польск. *rosol* - 'бульон'. Поскольку образные признаки отображают *осмысленные* свойства номинируемых предметов и являются непосредственными участниками семиозиса, они становятся элементами значения. Поэтому внутренняя форма - категория языковой семантики, а интерпретанта знака - категория когнитивная, связанная с кодированием и декодированием информации, ее преобразованием в знание, пониманием и использованием знака в когнитивно-дискурсивной деятельности. Поскольку же и интерпретанта и внутренняя форма принадлежат языковому знаку, то сам знак, по А.Ф. Лосеву, «есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» (Лосев 1982: 96). Это объясняется тем, что языковое мышление является (а) пониманием самого мыслительного процесса, (б) своеобразным его преломлением сквозь призму предыдущего опыта, зафиксированного в языковых знаках. А это, в свою очередь, предполагает, что любой языковой знак «существует исключительно как единица определенной семиотической системы» (Кубрякова 2004: 503), что вне такой системы нет знака (Степанов 1976: 81), как нет его и без интерпретатора. Системный характер и интерпретанта языкового знака обеспечивают ему когнитивно-семиологическую свободу, на что обращал внимание А.Ф. Лосев: «Всякий языковой знак, отражающий ту или иную систему отношений в обозначаемом им предмете, пользуется этим отражением свободно, произвольно и уже независимо от объективной истинности отраженной в нем

предметной системы отношений, равно как и от самого мышления, актом которого является знак языка» (Лосев 1982: 95). Этим свойством обладают, в отличие от иных семиотических систем, только языковые знаки. Заканчивая свой фундаментальный труд и возвращаясь к определению знака с тем, вероятно, чтобы учесть весь существующий семиотический опыт, Е.С. Кубрякова пишет: «Знак - это нечто воспринимаемое, образующее тело знака и представляющее в языковом коллективе как сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое или обозначаемое в языковых или метаязыковых операциях...» (Кубрякова 2004: 503-504). Как видим, здесь определяется знак в широком его понимании. Автор, как можно предположить, сознательно в начале дефиниции не использует словосочетание «языковой знак». Иначе возник бы вопрос, каким образом материальный (физический) объект, которым является «тело знака», становится фактом языка - феномена идеального. С другой стороны, чтобы служить сообществу интерпретаторов при порождении и восприятии сообщения знак должен быть воспринимаемым. Все это еще раз возвращает нас к необходимости разграничения знаков языка и знаков речи. Их специфика обуславливается тем, что, как утверждает В.А. Виноградов, система языка ориентирована на символизацию, а дискурс (в его понимании - *речь*, примечание мое - Н.А.) - на иконичность (Виноградов 1991: 243). Только опираясь на данные факторы, можно выявить своеобразие языковых и речевых знаков в контексте их возникновения. К этому побуждает сама Е.С. Кубрякова: «Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее устройство» (Кубрякова 2004: 502).

Сущность знакообразования состоит в семасиологизации (И. А. Бодуэн де Куртенэ), означивании (Э. Бенвенист) и преобразовании звукосочетаний в социально обусловленные средства речемыслительной деятельности. С точки зрения когнитивной лингвистики знакообразование представляет собой процесс превращения предметов реальной действительности в знаки, отображающие историко-культурный опыт данного этноязыкового сообщества. Наименование предметов звукосимволами, таким образом, является одновременно и осмыслением этих предметов, овладение ими не только материально, но и «идеологически» (В.И. Абаев). Иными словами, словесный знак одновременно является и коммуникативной, и когнитивной единицей, поскольку фиксирует и имплицитно хранит формы «перевода» фактов внешнего и внутреннего мира в мыслительные категории. Тип и характер таких категорий соответствует этапам и уровням познания.

Прежде всего отметим, что план выражения знака языка и знака речи не одно и то же. Планом выражения *знака речи* служит некая экспонентная структура, иными словами, реально произносимый и воспринимаемый звуковой или графический комплекс. Планом выражения *знака языка* выступает акустический (звуковой) образ того звукоряда, который соотносится с предметом именованного.

1. План содержания и языкового, и речевого знака - сущность, разумеется, идеальная. Однако и здесь имеются различия. Если планом содержания знака языка является представление (понятие) о серийном, типовом и обобщенном предмете номинации, то планом содержания знака речи выступает выделенный из того или иного класса, типа, разряда конкретный предмет, о котором идет речь в сообщении. Ср.: 1) *Книга - источник знаний* и 2) *«Дети капитана Гранта» - моя любимая в детстве книга»*.

2. Основная функция *знаков языка* обслуживать отражательные процессы и мыслительную деятельность человека (фиксировать, обобщать, дифференцировать, выделять, интерпретировать получаемую информацию). Основная функция *знаков речи* репрезентативная - быть средством манифестации и обозначения нужного в данном акте общения предмета, средством идентификации и узнавания обозначаемых предметов или явлений.

3. Различия в устройстве также обуславливаются идеальным статусом знаков языка и материально-идеальной природой знаков речи. Элементами *языкового знака* являются обобщенный образ предмета (денотат), сигнификат и акустический образ. Составляющими *знака речи* выступают их реальные корреляты: предмет номинации, дискурсивный смысл (предметное значение) и экспонентная структура речевого знака (звукоряд).

4. Облигаторным свойством любого знака является его значение. Однако и здесь между знаками языка и речи имеются некоторые различия. Их можно обозначить достаточно банально: значение языкового знака-языковое, а значение знака речи - речевое. Но за банальностью формулировок скрываются существенные различия. Оно в понимании сущности этих значений. На самом деле, что такое значение языковое и что такое значение речевое? Собственно значением мы называем лишь содержание языкового знака. Речевой знак обладает смысловым содержанием. Значение - *статильная* часть семантики знака, связанная с отражением социально значимого опыта данного этноязыкового сообщества. Смысл - категория личностная и поэтому *вариативная*, переменная часть семантики

знака, связанная с дискурсивной интерпретацией и актуализацией одного из аспектов языкового значения. Смысл, таким образом, является контекстуально обусловленной единицей семантики (контекст может быть речевым, ситуативным - подробнее см.: Алефиренко 2005: 69).

5. Благодаря наличию в языковом знаке интерпретанты, он, как правило, м н о г о з н а ч е н . Полисемия - универсальное свойство знаков языка, поэтому для актуализации нужного в данном речевом акте лексико-семантического варианта необходим соответствующий контекст. Речевые знаки всегда о д н о з н а ч н ы , поскольку лишены множественных интерпретаций

6. Знаки языка и знаки речи связаны и генетическими различиями: языковые знаки п е р в и ч н ы , поскольку ими обладают люди непреднамеренно, естественным путем, речевые знаки в т о р и ч н ы , поскольку создаются на базе знаков языка и горят, так сказать, «отраженным светом» (Шафф 1963: 201). Что же касается свойства замещать, то если знаки языка являются заместителями предметов, то знаки речи - не только замещают в нашем сознании номинируемые предметы, но и соотносимые с ними знаки языка.

6. Заключение

Как показало исследование, основными факторами вербального знакообразования является синергетика языка, сознания и мышления (Алефиренко 2005: 8-25). Прежде всего, следует отметить: сознание невозможно без мышления, а высшие формы мышления невозможны без содействия языка (С.Д. Кацнельсон). Механизмы такого «содействия» находятся в знаковости языка. Без языковых знаков не может состояться актуализация знаний в мышлении. Без знаков речи немислимо общение, если под таковым понимать кодирование и декодирование информации. Да и сама «память сознания», «кладовая знаний», хранение знаний в сознании невозможны без участия языковых знаков. Это объясняется тем, что процесс накопления и упорядочения знаний, сведения их в такие когнитивные структуры, которые, собственно, и обеспечивают их хранение в общественном сознании. Такими структурами являются разного рода когнитивные структуры, объективируемые языковыми знаками и их речевыми коррелятами (Алефиренко 2005: 87). Именно когнитивные

структуры для своей объективации стимулируют процессы «свертывания» речи, превращения ее во внутреннюю речь, а затем в речь «потенциальную», что, в конечном итоге, индуцирует образование языковых знаков.

Значимость языковых знаков для нашего сознания определяется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, тем, что в процессе знакообразования происходит накопление и обновление когнитивных структур. Во-вторых, тем, что языковые знаки снабжают механизмы сознания семиотическими средствами элементарного мышления. Это двусторонний процесс. «Развертывания» элементов сознания и «свертывания» продуктов речи без знаковой системы не осуществимы. Развитие речемыслительной деятельности не только создает внешние семиотические структуры для репрезентации мыслительного содержания, но в единстве с процессами выработки и упорядочения знаний стимулирует возникновение необходимых промежуточных звеньев и механизмов (так называемые «внутреннюю» и «потенциальную» речь), без которых немислимо не только общение, обмен мыслями, но и само сознание. Следовательно, знаковая подсистема языка служит не просто придатком к сознанию, позволяющим оформлять конечные фабрикаты мышления - когнитивные структуры, «упаковывая» их в языковые формы, но и непосредственным средством формирования сознания. Не остаются в стороне от этого процесса и речевые знаки. Они вызывают в сознании такие структурные изменения, которые делают сознание более совершенным, порождая при этом новые языковые знаки, прежде всего знаки вторичной (метафоры) и косвенно-производной номинации (фразеологизмы). Все это позволяет представлять структуру языкового знака не монолатерально (знак - это означающее) и не балатерально (знак - единство означающего и означаемого), а как триединство *означающего* (звуковой или графической структуры), *внутренней формы* и *означаемого*.

Список литературы

- Алефиренко, Н.Ф. (2004): «Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака», in: *Вопросы когнитивной лингвистики* (1), 70-82. Алефиренко, Н.Ф. (2005а): *Спорные проблемы семантики*. Москва. Алефиренко, Н.Ф. (2005б): «Синергетика культурного концепта и знака в системе языка и тексте». In: Алефиренко (Hrsg.) (2005в), 8-21.

- Алефиренко, Н.Ф. (Hrsg.) (2005в): *Культурные концепты в языке и тексте: Сборник научных трудов*. Белгород. Виноградов, В.А. (1991): «Иерархия категорий в грамматической типологии». In: Bahner/Schildt/Viehweger (Hrsg.) (1991), 238-247.
- Ельмслев, Л. (1960): «Язык и речь». In: Звегинцев (Hrsg.) (1960), 52-136. Звегинцев В. А. (Hrsg.) (1960): *История языкознания XIX-XXвеков в очерках и извлечениях*. Т. 2. Москва. Ку\брНК, А.Е. et al. (Hrsg.) (2002): *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. Москва. Кравченко, А.В. (2001): *Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка*. Иркутск. Кубрякова, Е.С. (2004): *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва. Лосев, А.Ф. (1982): *Знак. Символ. Миф*. Москва. *Лингвистический энциклопедический словарь* (1990): Москва 2005. Никитин, М.В. (1996): *Курс лингвистической семантики*. Санкт-Петербург. Потемня, А.А. (1999): *Собрание трудов. Мысль и язык*. Москва. Степанов, Ю.С. (1976): «Семиологический принцип описания языка». In: *Принципы описания языков мира*. Москва, 238-257. Уфимцева, А.А. (1986): *Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики*. Москва. Ченки, А. (2002): «Семантика в когнитивной лингвистике». In: Кибрик et al. (Hrsg.) (2002), 340-369. Шаф, А. (1963): *Введение в семантику*. Москва. Bahner, W.; Schildt, J.; Viehweger, D. (Hrsg.) (1991): *Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists*. Berlin. Eismann W. (1998): „Einige Probleme und Perspektiven der kontrastiven Phraseologie". In: Eismann (Hrsg.) (1998), 1-30. Eismann W. (Hrsg.) (1998): *Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich. Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*. Bochum. Herrmann, Th. (1982): „Über begriffliche Schwächen kognitivistischer Kognitionstheorien: Begriffsinflation und Akteur-System-Kontamination", in: *Sprache & Kognition* (2), 23-32. Langacker, R.W. (1991): *Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar*. Berlin, New York.